

**АМЕРИКАНСКАЯ «АРИСТОКРАТИЯ» В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ КОЛОНИЙ АНГЛИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ**

Колониальная политика английских Стюартов по формированию крупной помещной собственности и насаждение квив-ренты в центральных и южных колониях в Северной Америке привели к тому, что ко второй половине XVII века здесь начинает формироваться своего рода высшая «аристократия». Этот термин получил широкое распространение как в американской, так и в отечественной историографии. Как правило, он берется в кавычки. Это связано с тем, что сравнивать американское общество колониального периода с классической феодальной лестницей действительно нет оснований. Однако хотелось бы напомнить, что в этом и нет необходимости. Общество переходной эпохи в действительности уже не имеет четко выраженной феодальной структуры, хотя и сохраняет вековые традиции, чего не было в ранней американской истории. Внутри такого общества сами рамки, разграничивающие классы и социальные группы, сильно размыты, происходит внутренняя диффузия, которую можно проиллюстрировать классическим примером броуновского движения. Старые традиционные классы, приходя в движение, размываются, все сильнее заявляют о себе внесистемные группы. Так, в стране, классической для отечественной историографии – Франции, к этому времени уже почти везде отсутствовала личная зависимость крестьянства, дворяне практически не вели самостоятельного хозяйства, значительная, если не большая их часть осела в городах, прежде всего в Версале и Париже. Их поместья переходили в руки «генеральных фермеров» и горожан, росло дворянство мантии, укреплялись позиции торговцев и мануфактурщиков. Вместе с тем французское дворянство опиралось на феодальную традицию и экономическую власть, продолжало удерживать и политическую власть¹.

Европейско-североамериканский постфеодализм не имел собственно американской феодальной традиции, но опирался на предшествовавший ему английский вариант, прежде всего в лице монархии. Стюарты, много сделавшие для его насаждения на американской земле, дали толчок и к развитию местной аристократии, прежде всего в центральных и южных колониях. По мнению Э. Иванса, к началу XVIII века эти фамилии уже окончательно оформились как аристократия и обладали огромным влиянием². В Вирджинии это были Бланды, Барвеллы, Картеры, Ли, Рэндольфы. В Нью-Йорке – Моррисы, Робинсоны, де Ланси, Джонсоны; в Мэриленде феодальную иерархию по-прежнему возглавляли Балтиморы, в Каролинах – Лукасы, Гренвилли, Маниголты.

О неоднородности колониального общества, наличии здесь различных классов и социальных групп говорят, прежде всего, современники. В докладе «Взгляд на провинцию и правительство Вирджинии», поданном на высочайшее рассмотрение тремя вирджинскими авторами – Хартвсллом, Блеиром и Чилтоном, говорится, что в колонии существует сословное разделение населения. На вершине пирамиды находятся плантаторы-аристократы, вторую группу составляют торговцы и купцы, а внизу – «свободные люди» – фримены, мелкие плантаторы, ремесленники³. Авторы не включают сюда сервентов и рабов, видимо, не считая их за людей.

Лейтенант-губернатор Нью-Йорка К. Коулден, анализируя классовую структуру колонии к 1765 году указывает, что народ Нью-Йорка делится на следующие категории: 1) собственники больших поместий, которые жалованы им от имени короля. Автор отмечает, что размеры маноров достигают огромных цифр: от 100 тыс. до 1 млн акров; 2) «джентльменов-юристов», своеобразное «дворянство мантии»; 3) торговцы и купцы, которые, по мнению автора, составляют «третий класс, разбогатевший благодаря расторопности к счастью в торговых сделках, особенно в минувшую войну»; 4) низшие сословия образуют фермеры и ремесленники⁴.

Как и его предшественники, Коулден не включает в социальную структуру сервентов и рабов, что само по себе достаточно красноречиво. Ведь сервенты и рабы составляли примерно четверть колониального населения. Могущественную «группу» лендлордов-аристократов в Северной Каролине выделяет В. Бирд II, отмечая их высокое экономическое и политическое положение в обжитых районах Каролины⁵. Классическими колониями, где сословность выразилась наиболее ярко, стали Вирджиния, которую первый биограф Патрика Генри В. Вирт назвал аристократической, и Нью-Йорк. Основой могущества здешних аристократов было крупное землевладение. Как отмечает Э. Иванс, практически все семейства «высшего света» Вирджинии – Ли, Рэндольфы, Картеры – были связаны «с землей и арендаторами»⁶. Роберт Картер, по прозвищу «Король», владел в графстве Ланкастер 300 тыс. акров земли, 1000 рабов, которые трудились на 46 плантациях. В его «родовом» поместье работали 17 кабальных слуг и 33 раба. Его внук Роберт владел 60 тыс. акрами земли в Вирджинии и Мэриленде, кроме того, в его собственности были и железные рудники. У Джона Кастиса было 15 тыс. акров земли, Ф. Лудвилла – 10 тыс. акров, собственность в Джеймстауне и Вильямсбурге, 164 раба, значительное количество скота и овец⁷. Были, конечно, и исключения. Так, семейство Нельсонов разбогатело на торговле, но и они были крупными земельными собственниками. В Нью-Йорке о размерах земельной собственности лендлордов говорят счета, которые были представлены лоялистами, потерявшими свои маноры в ходе революции. «Сэр Джонсон оценил свои конфискованные земли и имущество в 183 тыс. фунтов стерлингов, а сэр Дж. Джонсон – в 103162; О. де Ланси потерял собственность стоимостью почти в 109 тыс. фунтов стерлингов; у У. Вайарда конфисковали земли и имущество, оцененное в 75 тыс. фунтов стерлингов; от 53 до 100 тыс. оценивалось протянувшееся по берегу реки на 24 мили поместье Ф. Филиппса; Б. Робинсон и Р. Моррис подали британскому правительству прошения о компенсации им за имущество стоимостью соответственно 79980 и 68384 фунтов стерлингов»⁸. В их владениях трудились сотни сервентов и арендаторов. Только в манорах четырех крупнейших лендлордов Р. Морриса, В. Робинса, Де Ланси, владельцев «Филиппсбург Манор», трудились 80–90 % всех арендаторов графств Датчес и Уэстчестер. По свидетельству Уота, графства Олбени, Датчес и Уэстчестер находились в вассальной зависимости от своих лендлордов⁹.

Некоторые лендлорды имели дворянские титулы, в основном это были бароны и баронеты, но большинство подчеркивало свою социальную обособленность званиями «эсквайр» или «джентльмен». Почетный титул «эсквайр» означал, что его владелец находится на службе у короля и владеет своим поместьем по праву королевского пожалования. Титул давался за службу или передавался по наследству. Плантатор мог разориться, впасть в крайнюю бедность, быть обременен долгами,

но не терял права называться «джентльменом». Как подчеркивал Дж. Маури, «только лишь собственность еще не дает права называться джентльменом»¹⁰. Например, хотя Д. Френч был одним из наиболее богатых землевладельцев графств Вилльям, он не считался джентльменом, так как не унаследовал это звание. В то же время Джон Бэйтс, хотя и был в три раза беднее, назывался джентльменом, что связывалось с общественной службой, а разорившийся М. Пендж по-прежнему считался им, унаследовав титул от отца¹¹. В Нью-Джерси джентльменом считался тот, кто имел жалованное землевладение хотя бы и небольшое – до 400 акров.

Для американской аристократии на протяжении XVIII века была характерна замкнутость. Число «аристократических семейств» не превышало 100. Опираясь на «Основные законы», опубликованные Локком для Каролины, местная знать всячески стремилась ограничить смешение с «простолюдинами». Образцом для подражания служило английское дворянство. Дети богатых плантаторов получали образование в английских университетах и закрытых учебных заведениях, усваивая образ жизни своих английских «кузенов»: скачки, охота, стремление к роскоши. Характеризуя окружающую элиту, Джон Вейлис писал накануне революции, что она, богатея за счет труда сервентов и рабов, «погрязла в роскоши», конечно, в американско-пуританском значении этого слова: «Еще в 1740 году долг в 1 тыс. фунтов стерлингов считался бедствием, теперь же задолженность в 10 раз большая воспринималась как пустяк, не стоящий внимания. Конечно, их доходы возросли с того времени. Но сейчас роскошь и безумное расточительство шагают рука об руку. В 1740 году я не помню, чтобы видел где-нибудь ковер, исключая маленькой полочки в спальном комнате. Теперь же повсюду персидские и азиатские ковры, изящная французская мебель во всех комнатах и всестороннее проявление богатства»¹².

Как уже отмечалось выше, американские аристократы, так же, как и их неизмеримо более родовитые английские и французские собратья, постепенно попадали в финансовую задолженность от купцов и банкиров. К этому их толкали монокультурность поместий, тяга к роскоши, стремление к выделению в обществе, где «джентльмен не занимается трудом и торгашеством». Надеясь на свои земельные владения, лендлорды все глубже залезали в долги ради дорогих вин и охотничьих ружей, мебели и ковров. Стоило только упасть цене на землю, как это произошло в 1770 году, или на табак, господствовавший на южных плантациях, как наступало отрезвление. Например, крупный вирджинский плантатор В. Бирд III оказался должен английским купцам 100 тыс. фунтов стерлингов, Т. Райт – джентльмен из графства Ричмонд, обладая 3 тыс. акрами земли, стал несостоятельным должником, а в целом, как отмечает Иванс, плантаторы одной только Вирджинии задолжали английским торговым домам от 2 до 3 млн фунтов стерлингов¹³. Т. Джеферсон так писал о задолженности плантаторов: «Эти долги стали передаваться по наследству от отца к сыну на протяжении уже многих поколений, а плантаторы – в своего рода собственность, закрепленную за определенными торговыми домами в Лондоне»¹⁴. Огромная финансовая задолженность не вела к автоматическому банкротству плантаторов, оно было бы и невыгодно английским купцам, но вела к окончательному превращению американского фольварка в сырьевой придаток экономики метрополии. Долги Англии имели определенное революционизирующее значение для некоторой части плантаторов, видевших в будущей революции возможность одним махом покончить с экономической зависимостью от английских торговых домов.

Колониальная олигархия играла важную роль и в политической жизни Английской Америки. Ее малочисленность не означала бессилия. Лендлорды и их ставленники «доминировали в церквях и молельных домах, судах графств и административных органах. Экономическое благосостояние лежало в основе их сильнейших политических позиций, их влияние сгущалось на каждом уровне социальной структуры общества, в каждой области ее функционирования»¹⁵. Практически всем ассамблеям центральных и южных штатов: Нью-Йорка и Нью-Джерси, Нью-Гемпшира и, особенно, Вирджинии, Мэриленда и обеих Каролин, был свойствен олигархический характер. По подсчетам Дж. Мейна, практически вся административная власть в центральных и южных колониях в XVIII в. оказалась в руках плантаторской и отчасти торговой олигархии, которая в процентном соотношении насчитывала не более 10 %¹⁶.

Своя аристократия, ориентирующаяся на каролинских лендлордов, накануне революции начинает формироваться и в Джорджии. Так, если еще в первой половине 1750-х годов можно было назвать богатыми лишь считанные единицы, то накануне революции губернатор колонии и члены совета колонии владели почти 1 тыс. рабов и обширными земельными владениями¹⁷.

Приобщение к власти становится необходимым правилом для отпрысков богатых семей. Сначала молодой аристократ получал необходимое образование в Европе или дома, затем занимал пост в судах графств или ополчении и, если достаточно хорошо себя зарекомендовал, он мог рассчитывать на избрание в Ассамблею. Показательной здесь может быть карьера одного из самых известных американцев, Т. Джефферсона, наследника довольно крупного состояния в 7 тыс. акров и 60 рабов. Он удвоил свое состояние после удачной женитьбы. В 26 лет был избран барджемсом (членом нижней палаты Ассамблеи) от своего графства Олбемал, причем начал свою политическую карьеру не из честолюбия, а руководствуясь принципом «благородство обязывает».

Будущий автор «Декларации независимости» и третий президент США накануне революции готовился не к суровым революционным боям, а собирался прожить спокойную и насыщенную жизнь джентльмена – богатого плантатора, депутата Ассамблеи, полковника ополчения графства. Дж. Т. Адамс пишет, что вплоть до революции общественная жизнь в своей государственной основе была уделом аристократов: «Джентри – лучшие люди» – имели все преимущества в борьбе за власть. Как правило, они и не имели отношения к реальной борьбе за нее»¹⁸.

Государственная власть была важным барьером, который отделял «аристократов» от простолюдинов. Они могли терпеть присутствие в Ассамблеях и судах богатых купцов и работоторговцев, с которыми многие находились в деловых, а то и семейных связях, но не «оборванцев». Определенную роль здесь играли связи и образование, но важнейшим барьером, преграждавшим выходцам из народных масс путь наверх, был имущественный барьер. В большинстве южных колоний, например, право голоса имел лишь владелец участка не менее чем в 50 акров земли – в Мэриленде – с 1078 года, в Каролине – с 1752 года, Джорджии – с 1761 года. Что касается Вирджинии, где долгое время правом голоса обладали все, кто имел хоть какую-либо собственность, то по настоянию горожан, где большинство уже давно составляли плантаторы, в 1730 году был принят новый закон, по которому правом голоса обладал уже собственник 100 акров необрабатываемой земли или, как минимум, действующей плантации в 25 акров¹⁹.

Феодальный принцип соответствия главенства в сословной иерархии и в органах власти поощрялся английскими монархами. В «Инструкциях королевским губернаторам» прямо указывается, что «на государственную службу должны назначаться люди, доказавшие преданность нашему правительству, лучшего происхождения и способностей и ни в коем случае из бедняков или должников...»²⁰. Анализ состава колониальной Ассамблеи Нью-Йорка, проведенный Дж. Т. Майном, показывает, что это монаршее волеизъявление проводилось в этой колонии с блеском: 14 % законодателей располагало «умеренным состоянием (их имущество оценивалось в сумму от 500 до 2 тыс. фунтов стерлингов), 43 % членов легислатуры были собственниками земли и имущества стоимостью от 2 до 5 тыс. фунтов стерлингов, а 43 % обладали имуществом, стоимость которого превышала 5 тыс.»²¹. В целом, крупные лендлорды и их родственники контролировали до 80 % всех ответственных постов в колонии. В Английской Америке происходил постоянный круговорот должностей, как некогда в клерикально-олигархическом Массачусетсе. Там, где имела процедура выборов, плантаторы заставляли зависимых в экономическом отношении арендаторов голосовать в нужном для них направлении. Если же был высок процент свободных фермеров, то джентльмены использовали разлагающее влияние спиртных напитков и другие средства такого же свойства. Использование спиртного в качестве решающего аргумента в пользу кандидата стало своеобразной традицией американской политической жизни на долгие годы. Так, будущий президент США А. Линкольн, начиная свою политическую кампанию, угощал своих избирателей сидром, а одиннадцатый президент Дж. Полк не любил, когда ему напоминали, что первая предвыборная кампания в его жизни стоила ему 23 галлона виски, бренди и сидра²².

Американская олигархия оказывала свое политическое влияние не только на низы, но и на верхи колониальной пирамиды, включая и саму королевскую власть. В идеале губернаторы колоний, выступая полномочными представителями короля или собственника, обладали огромными привилегиями. Они определяли порядок голосования, созывали Ассамблеи, должны были обеспечивать соблюдение законов империи. Они могли накладывать вето на решения Ассамблей, назначали чиновников, присваивали в качестве главнокомандующих чины и звания (до полковника). Они были уполномочены жаловать от имени короля или собственника земельные наделы повсюду; за исключением колонии Новой Англии. Однако зачастую и власть без опоры на местную аристократию была просто эфемерной. Ведь, как правило, жалование определялось местной ассамблеей, очень часто они сами были крупными земельными собственниками и сотнями нитей были связаны с местной аристократией, поэтому они сквозь пальцы смотрели на захват лендлордами новых земель, укрепление ассамблей. Не случайно истинными вершителями дел в колонии были не столько губернаторы, а «Бирды, Картеры, Фицхью и Ли, представлявшие лучшие фамилии Чесапикского залива, так же как и родственные им Пинкни и Рутленды в Южной Каролине, де Ланси и Ливингстоны в Нью-Йорке, Хатчисоны и Оливеры в Массачусетсе»²³.

В случае, если губернаторы очень сильно наступали на интересы лендлордов, те, часто используя в качестве движущей силы фермерское движение, как правило, добивались снятия губернаторов. Так, например, в Южной Каролине крупные плантаторы возглавили в 1729–1730 гг. борьбу против собственников колонии, добились снятия губернатора Джонсона и перехода колонии под власть короля,

что способствовало росту их влияния как в экономической, так и в политической жизни колоний. Крупные плантаторы Джорджии добились в 1752 году отмены закона о запрещении рабства в этой колонии. На протяжении всех двадцати лет губернаторства Оглеторпа они фактически вели борьбу против него, добиваясь перехода под власть короны ранее положенного срока. Аристократы Мэриленда, опираясь на широкое движение фермеров и арендаторов, сместили губернатора Джеффера, и, в конечном итоге, в конце XVII в. Чарльз Балтимор лишился политических привилегий. Правда, в 1715 г. его сын Бенедикт Леонард был восстановлен в своих феодальных правах, отрекшись от веры отцов и перейдя в англиканство²⁴.

Политическое господство земельной «аристократии» было важным внутренним фактором. С одной стороны, оно сдерживало, а затем и практически ликвидировало частнособственнические амбиции лордов-собственников колоний, чем и закрепляли здесь королевскую власть. Общепризнанно, что до «великого пробуждения» 60-х годов XVIII в. колонисты выступали с ярко выраженными монархическими и лоялистскими позициями. С другой стороны, земельная «аристократия» не препятствовала участию свободных фрименов, фригольдеров и ремесленников в выборах в Ассамблеи. Право голоса для подавляющего большинства на практике означало лишь возможность для них раз в три года решать, кто из лендлордов и новоявленных богачей будет решать их судьбу. Политическая монополия «аристократов» служила опорой английским войскам в подавлении фермерских движений, начиная с восстания Бэкона и кончая движением регуляторов в Каролине.

Примечания

- ¹ *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. Л., 1989. С. 13–27.
- ² Evans Em. *The Rise and Decline of the Aristocracy in the 18 Century.* Chappel Hills, 1975. P. 58.
- ³ *The Colonial Horison: America in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by W. Goetzmann.* Boston, 1969. P. 142–143.
- ⁴ *Colonial America, 1607–1776.* Ed. by L. Donald. Saint Louis, 1973. P. 21–22.
- ⁵ *Idid.* P. 20.
- ⁶ Evans Em. *Op. cit.* P. 62.
- ⁷ *Brown R., Brown K.* *Virginia 1705–1786: Democracy or Aristocracy?* East Lansing, 1964. P. 36.
- ⁸ Цит. по: *Ушаков В.А.* Американский лоялизм: Консервативное движение и идеология США в 1760–1780-е годы. Л., 1989. С. 35.
- ⁹ Там же. С. 52–53.
- ¹⁰ *Brown R., Brown K.* *Op. cit.* P. 35.
- ¹¹ *Idid.* P. 37.
- ¹² Evans Em. *Op. cit.* P. 69.
- ¹³ *Idid.; Brown R., Brown K.* *Op. cit.* P. 38.
- ¹⁴ Цит. по: *Аптекер Г.* Американская революция 1763–1783 гг. М., 1962. С. 48.
- ¹⁵ Evans Em. *Op. cit.* P. 67., Sydnor Ch. *Gentlemen Freeholders.* Chapell Hill, 1952. P. 2.
- ¹⁶ *Main J.* *Op.cit.* P. 393.
- ¹⁷ *Бурин С.Н.* Конфликт или согласие?: Социальные проблемы колониального Юга (1642–1763 гг.). М., 1980. С. 208.
- ¹⁸ *Adams J.T.* *The Adams family.* New York, 1976. P. 15.
- ¹⁹ *Brown R., Brown K.* *Op. cit.* P. 129.
- ²⁰ *Martin J.* *In the Course of Human Events.* Arlington, 1979. P. 38.
- ²¹ Цит. по: *Ушаков В.А.* Указ. соч. С. 33.
- ²² *Williams F.* *Tennessee Presidents.* Knoxville, 1981. P. 42.
- ²³ *Martin J.* *Op. cit.* P. 15.
- ²⁴ *Browne W.* *Maryland. The History of Palantinat.* New York, 1973. P. 201.